

РУЖИЦКИЙ И. В.
г. Москва, Россия
konntie@mail.ru

81'38: 821.161.1
DOI 10.26170/ufv20-02-27

ИГРОВАЯ ФУНКЦИЯ ИНВЕКТИВ В ТЕКСТАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности языковой личности Ф.М. Достоевского, прежде всего относящиеся к использованию писателем в художественной прозе лексики, выполняющей бранную функцию. Делается предположение о строгой избирательности в использовании бранной лексики, мотивированной различными задачами. Расширяется диапазон функций бранной лексики, в который как разновидность людической включается энигматическая функция инвектив. Показывается связь бранного слова с его этимологом, возможность использования инвектив в качестве способа эвфемизации, использование Достоевским с целью усиления повторов инвектив в одном узком контексте – семантических, синтаксических и эпидигматических, что ведёт к построению инвективных цепочек и, в конечном счёте, – к созданию своего рода инвективного поля.

Ключевые слова: идиолект, бранная лексика, инвектива, языковая игра, Достоевский.

IGOR V. RUZHITSKY
Moscow, Russia

INVECTIVES GAME FUNCTION IN THE TEXTS OF FYODOR M. DOSTOYEVSKY

Abstract. The article analyzes some features of Fyodor M. Dostoevsky linguistic identity, primarily related to the abusive vocabulary use in fiction. The assumption is made about the strict selectivity in the use of abusive words, motivated by the creating a specific artistic image task. The range of abusive words functions is broaden, the enigmatic fiction of abusive words is included. The possible connection of abusive words with their etymons, the possibility of using invectives as a mean of euphemization, the use by Dostoevsky different kinds of invectives repetitions in one narrow context – semantic, syntactic and epidigmatic, which leads to the construction of in-

vective chains and, ultimately, to the creation of a kind of invective field are shown.

Keywords: idiolect, abusive vocabulary, invective, language game, Dostoyevsky.

Изучая особенности идиостиля Ф.М. Достоевского, невозможно не обратить внимания на широкое использование писателем в текстах разных жанров – в художественной прозе, в публицистике, в личных письмах – бранной лексики, различного типа инвектив. Относительная частота употребления лексем *дурак*, *подлец*, *сволочь*, *негодяй*, *мерзавец* и многих других существенным образом превышает их частоту у И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и И.А. Гончарова и, например, для слова *дурак*, сопоставима с частотой употребления у А.Н. Островского, Н.С. Лескова и А.Ф. Писемского (см. данные, приведённые в [Шайкевич, Андрющенко, Ребецкая 2016]). То же можно сказать и о частоте употребления соответствующих словообразовательных дериватов, и о насыщенности бранной лексикой одного узкого контекста. В результате в текстах Достоевского образуется довольно сильное «инвективное поле», что вызывает вопрос о том, можно ли отнести их автора к элитарной языковой личности, вопрос, который мы достаточно подробно обсудили в [Ружицкий, Потёмкина 2018] и на который дали положительный ответ, мотивируя его тем, что под элитарной языковой личностью следует понимать прежде всего строго мотивированную способность к спонтанному переключению с одного регистра на другой. Тема интенций в использовании бранной лексики в художественном тексте вообще очень интересна и многоаспектна, собственно бранной функцией такое употребление не ограничивается. Полагаем, что применительно по крайней мере к художественной прозе помимо собственно бранной функции следует также говорить о людической и энигматической функциях инвектив, о чём речь и пойдёт ниже.

В ходе работы над Словарём языка Достоевского (см. [СЯД 2008, 2010, 2012, 2017]) в текстах разных жанров нами было зафиксировано порядка 200 лексических единиц, используемых в бранной функции. Полученный список инвектив, безусловно,

вряд ли можно считать исчерпывающим, но он достаточно репрезентативный, чтобы представить себе «поле брани» Достоевского (если воспользоваться метафорой В.И. Жельвиса [Жельвис 2001]). В основном это общеупотребительные инвективы, встречающиеся также в текстах других авторов и имеющие в первую очередь собственно бранное значение: *балбес, балбесина, балбесы; дармоед, дармоедка; дрянцо, дрянь; идиот, идиотка, идиоты; лизоблюд, лизоблюдничи, лизун; мерзавец, мерзавка; подонки; стерва; ублюдки; хам; холуй; хамлет; чёртов сын, язевый лоб* и др. В использовании такого рода инвектив авторская индивидуальность, в некоторых случаях отражающая круг общения Достоевского, проявляется в основном в сочетании инвектив-существительных с определениями: *дура – бессмысленная, капитальная, пошлая, ретроградная, слабонервная, третьегодничная; дурак – бездарный, злой, иступлённый, злобный, цивилизованный, отпетый, пошлый; дурачок – всеуспокоенный самомнением; каналья – естественнейшая, пьяная; мразь – гадкая, трусливая, жестокая, себялюбивая; негодница – новооснованная; подлец – каторжный, легкомысленный, не безнадёжный, признанный, хороший, чистокровный; подлецы – наивные, плотоядные, чистокровные; ракаля – анафемская; сволочь – демократическая, медицинская, рулеточная; сопля – на двух ногах; сопляки – доморощенные; тварь – глупая, грубая, заносчивая, издыхающая, отвратительно чувственная, позорная, пьяная, светская развратная тупая, сластолюбивая капризная; твари – самолюбивейшие, эти великосветские; шут – мохнорылый.*

То же можно сказать о словах и словосочетаниях, бранная функция которых является вторичной: *барчонок – дрянной, блудливый; ведьма – негодная; рожка – толстая, хитростная.* В этом отношении обращает на себя внимание довольно большая группа инвектив, относящихся к животному миру (включая мифологических животных): *вошь – поганая человечья; гадина – лупоглазая; облизьяна – зелёная; осёл – зелёный; ослица – валаамова; букашка – смрадная; свиньи – бесчестные; скотина – всякая, заносчивая; червяки – низкие, а также инвективы, свя-*

занные с национальной принадлежностью, религией или отнесённостью к определённой местности: *подлая прусская куриная нога в кринолине; полячок – гаденький, жалкий; полячоночек – мозглявенький; солёные уши (о пермяках); шпага французская.*

С точки зрения проявления креативно-игрового начала несомненно большой интерес вызывают индивидуально-авторские инвективы (по данным НКРЯ и других поисковых систем зафиксированные в бранной функции только в текстах Достоевского): *архиподлец; верхоплясы; верхогляд, верхоглядка (сытая и вседовольная); вышивырка, вышивырки; обшмыга (международная, третьего разряда); обтирка (ваших лакированных сапогов, моего сапога); паршивик; подлайдак; фурий; шлёпохвостки, шлёпохвостницы (расфуфыренные),* включая сложные слова: *изверг-мачеха, изверг-отцеубивец; мерзавцы-безобразники; негодяй-муж; сопля-человек, сопляки-моралисты (чахоточные); старик-безобразник* и словосочетания: *варначье твоё мясо; гвоздыревый ты человек; крючок судейский; полишинель проклятый; посконная голова; срамец треклятый; тать окаянный; упорная сатана; физик проклятый; свинья-Карепин, свинья-Тургенев, свиньи-москвичи, баран-голова.*

Говоря об игровом употреблении инвектив, мы принимаем за исходное идею о полифункциональности языковой игры, в соответствие с которой «игровое употребление слова – это сознательное и понятное читателю (слушателю) отклонение от языковой нормы, допускаемое с целью выражения различных смысловых нюансов (познавательная функция) или для достижения комического эффекта» [Ружицкий 2015: 241–242]. Естественно, этими, самыми общими, функциями значимость языковой игры в художественном тексте не ограничивается, игровое употребление инвектив может служить, например, для привлечения внимания читателя, для того, чтобы заставить читателя остановиться, задуматься, и т. д. «Можно констатировать, что на современном этапе изучения языковой игры наблюдается тенденция к выделению самых разных её функций, не ограничивающихся сферой проявления комического (юмористического) эффекта речи» [Гридина 2008: 47].

В этом отношении функции языковой игры пересекаются с некоторыми из интенций в употреблении бранной лексики, например, помимо высмеивания, с сокрытием смысла, настраиванием тем самым читателя на определённую догадку: «кроме интенции оскорбить мотивацией является вуалирование, сокрытие смысла; в некотором роде противоположная функция – парольность, снятие оппозиции свой/чужой; бранные слова часто используются для заполнения пауз в речи; говорящий, например интеллигент или интеллектуал, публично употребляет табуированное бранное слово для того, чтобы произвести впечатление или показать свою независимость от существующих норм» [Ружицкий, Потёмкина 2018: 38]. Такого рода энигматическую функцию следует, на наш взгляд, считать разновидностью людической. Приведём некоторые примеры её реализации.

– Связь инвективы с этимоном, исходным этимологическим значением бранного слова, которое может соотносится с раскрытием образа персонажа, авторским отношением к персонажу или к их группе и даже с сюжетной линией и с идеей всего произведения. Такая соотнесённость часто не доказуема, однако, учитывая в качестве одной из основных характеристик идиостилия Достоевского склонность писателя к символизации действительности, можно с большой долей уверенности сказать, что эта особенность проявляется и в использовании некоторых бранных слов. Так, *выжигой* ('человек, разграблявший могилы') называют только Раскольникова; *подлец* ('человек из простонародья; подчиняющийся') в «Преступлении и наказании», в отличие от других текстов Достоевского, в собственно бранном значении вообще не употребляется; *безобразник* ('человек, потерявший благообразие, человеческий облик') в «Подростке»; *сволочь* ('дрянной люд, шатуны, воришки, негодяи, где-либо сошедшиеся') – этимон этой инвективы реализуется прежде всего в «Бесах», в речи Хроникёра, т. е. во многом самого Достоевского – 'собирающиеся в смутное время вместе люди, совершающие или готовые совершить подлые поступки' (подробнее см. [там же: 34–36]). Можно предположить, что существует аналогичная связь с этимонами инвектив *вышвырка* ('что-то выброшенное,

негодное, дрянь'), *лайдак* ('лодырь, ледащий человек, негодяй, шатун, плут и гуляка'), *маклак* ('перекупщик, маклер, плут'), *обшмыга* ('рвань, ободранец, оборванец, лохмотник'), *пентюх* ('неповоротливый, неуклюжий человек') и др. Полагаем, что в определённых случаях выбор слов в бранной функции у Достоевского строго детерминирован и связан с текстом концептуально, что раскрывается через этимон самого бранного слова.

– Энигматическая функция инвектив также проявляется в эвфемизации, прежде всего обценной лексики, в эпоху Достоевского являющейся строго табуированной. Так, например, во многих случаях употребляется слово *чёрт*, очень частотное у Достоевского, в том числе и в составе устойчивых сочетаний (подробнее см. в [Потёмкина, Ружицкий 2019(а, б)]). Например: «– Э, чёрт! – выругался Лямшин, сел за фортепьяно и начал барабанить вальс, зря и чуть не кулаками стуча по клавишам» (Бесы, 309; здесь и далее нумерация страниц произведений Достоевского даётся по [Достоевский 1972–1990]). Только в «Бесах» «Э, чёрт!» («Э... Чёрт!») мы встречаем 7 раз, причём только во второй половине романа, т. е. когда происходят основные «безобразия» и убийства. Это же сочетание в «Братьях Карамазовых» используется 13 раз. К эвфемизмам можно отнести и употребление словоформы *киселей* в следующем контексте: [Голос из толпы присутствующих на балу у Лембке] «Надавать бы всем киселей, да и к чёрту!» (Бесы, 390), а также многочисленные случаи использования определений *эдакий*, *этакий*, *экой* и т. п. с инвективами: *гнида ты эдакая*, *греховодники эдакие*; *дура такая*, *экой дурак*, *экая дурында*, *этакие дураки*, *душегубец ты эдакий*, *этакая сволочь*, *шельмец ты такой*, *шильник ты этакой*, *петля такая*, *ехидна такая*.

– Энигматическая функция инвектив непосредственным образом также связана с их эмблематической функцией – закреплённостью за отдельными персонажами: *выжига* – Раскольников, *сволочь* – обобщающее слово для всех «бесов», *ветошка* – Голядкин, *валамова ослица* – Смердяков, *шлѐпохвостки*, *шлѐпохвостницы* (*расфuffyренные*) встречаются только в «Престу-

плении и наказании» в речи Мармеладовой, *тварь* – в основном Грушенька, в речи Катерины Ивановны и т. п.

Один из наиболее частотных случаев сознательного отклонения от существующей языковой (стилистической) нормы в текстах Достоевского связан с использованием автором различного типа повторов – синтаксических семантических и эпидигматических, что объясняется необходимостью своеобразной компенсации создаваемой писателем неопределённости, а также способом выражения дополнительных оттенков смысла. Такую особенность идиостиля, на наш взгляд, тоже следует считать людической, относящейся в том числе и к частому повторению в одном узком контексте бранных слов, построению инвективных рядов и инвективного поля. Например: «*Мерзавец ты этакой, негодяй ты такой!* – проговорил господин Голядкин <...>» (Двойник, 178); «– Ах ты, *проклятая*, ах ты, *кровопивщица*, *гнида ты эдакая* – визжала баба, залпом выпуская из себя все накопившиеся ругательства, большею частью без запятых и без точек, но с каким-то захлёбыванием, – так-то ты за моё попеченье воздаёшь, *лохматая*» (Униженные и оскорблённые, 258); [Фарпухина] «<...> Чтоб над вами смеялась *эта пройдоха*, *эта каверзница*, *эта сопля!* Да она подошвы моей не стоит <...>» (Дядюшкин сон, 330); [Парадоксалист Лизе] «<...> ты, одна ты за все это ответить должна, потому что ты так подвернулась, потому что я *мерзавец*, потому что я самый *гадкий*, *самый смешной*, *самый мелочной*, *самый глупый*, *самый завистливый из всех на земле червяков*, которые вовсе не лучше меня, но которые, *черт знает* отчего, никогда не конфузятся; а вот я так всю жизнь от всякой *гниды* буду щелчки получать <...>» (Записки из подполья, 174). Ср. также: «похабник, пакостник, обскурантный ругатель»; «шваль, ракаля, издыхающая тварь»; «сластолюбивая, капризная тварь, эгоист, лентяй, лежебок – и больше ничего»; «никому не надоедаю, разве одним дуракам, верхоплясам, учёным [здесь курсив Достоевского]» и т. п.

Вне всякого сомнения, людическую функцию в текстах Достоевского выполняют также многочисленные инвективы с суффиксами субъективной оценки – *аристократишка*, *жидёнок*,

жиденята, жидишка, жидок, либералишки, паршивка, полячишки, полячки, разлетайки, фанфаронишка, хвастунишки, чумичка и т. п., фразеологические сочетания и их модификации, в состав которых входят бранные слова, (например, *дурак, дура*), и др. Это, однако, уже предмет дальнейших публикаций на обозначенную тему.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: Монография. 2-е изд. испр. и доп. – Екатеринбург, 2008.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л., 1972–1990.

Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 22.02.2020)

Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. – М., 2015.

Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Homo Incredens: бранная лексика в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Статья первая // Stephanos. – 2019(a). – № 3(35). – С. 78–89.

Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Homo Incredens: бранная лексика в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Статья вторая // Stephanos. – 2019(б). – № 4(36). – С. 119–139.

Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. «Элитарная языковая личность» и бранная лексика (на примере идиолекта Ф.М. Достоевского) // Русская речь. – 2018. – № 6. – С. 29–39.

СЯД – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий / под ред. Ю.Н. Караулова. – М., 2008–2017. Т. I (А–В); Т. II (Г–З); Т. III (И–М); Т. IV (Н–По).

Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистического анализа языка русской прозы 1850–1870 гг. Т. 1. – М., 2016.

REFERENCES

Gridina T.A. Yazykovaya igra v hudozhestvennom tekste: Monografiya. 2-e izd. ispr. i dop. – Ekaterinburg, 2008.

Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch. v 30 t. – L., 1972–1990.

Zhel'vis V.I. Pole brani: skvernoslovie kak social'naya problema v yazykah i kul'turah mira. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2001.

NKRYa – Nacional'nyj korpus ruskogo yazyka // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (data obrashcheniya: 22.02.2020)

Ruzhickij I.V. Yazyk Dostoevskogo: idioglossarij, tezaurus, ejdos: Monografiya. – M., 2015.

Potyomkina E.V., Ruzhickij I.V. Homo Increpans: brannaya leksika v rech'i personazhej F.M. Dostoevskogo i N.S. Leskova. Stat'ya pervaya // Stephanos. – 2019(a). – № 3(35). – S. 78–89.

Potyomkina E.V., Ruzhickij I.V. Homo Increpans: brannaya leksika v rech'i personazhej F.M. Dostoevskogo i N.S. Leskova. Stat'ya vtoraya // Stephanos. – 2019(b). – № 4(36). – S. 119–139.

Ruzhickij I.V., Potyomkina E.V. «Elitarnaya yazykovaya lich-nost'» i brannaya leksika (na primere idiolekta F.M. Dostoevskogo) // Russkaya rech'. – 2018. – № 6. – С. 29–39.

SYaD – Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarij / pod red. Yu.N. Karaulova. – M.: Azbukovnik, 2008–2017. T. I (A–V); T. II (G–3); T. III (I–M); T. IV (N–Po).

Shajkevich A.Ya., Andryushchenko V.M., Rebeckaya N.A. Distributivno-statisticheskogo analiza yazyka russkoj prozy 1850–1870 gg. T. 1. M., 2016.

©Ружицкий И.В., 2020

Ружицкий Игорь Васильевич – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 125480, Россия, г. Москва, ул. Вилиса Лациса, 11/4, 379.

E-mail: konnitie@mail.ru

Ruzhitskij Igor' Vasil'evich - Doctor of Philology, Docent of the Department of the Russian Language for Foreign Students, Moscow State University M.V. Lomonosov (Moscow, Russia).